

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КРИВОНОСОВ А. Т.

«ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА» И ИССЛЕДОВАНИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Сейчас еще свежи уроки так громко заявившего о себе в недавнем прошлом «структурального» направления в языкознании, которое претендовало на очень многое, но фактически оставило после себя так немного. На смелую структурализму пришла зародившаяся в его лоне и недолго просуществовавшая «генеративная грамматика», которая теоретически представлялась как всеобъемлющее учение о языке, а практически — как развертывание цепочки слов на основе «врожденных» способностей человека владеть языком. И вот стремительное развитие языкознания вовлекло лингвистов в вихрь нового «бума» — на наших глазах утвердилась концепция, которая именует себя «лингвистикой текста». Как видим, история языкознания нашего времени — это быстрая смена лингвистических привязанностей. Чем дальше от своего исходного пункта эти лингвистические течения, тем более явственно вырисовываются их сильные и слабые стороны. Новейшее направление в современном языкознании — «лингвистика текста» — также не свободно ни от того, ни от другого. Однако ответить на вопрос, чего в нем больше, можно было бы уже сегодня, не дожидаясь, пока «лингвистикой текста» завершится очередной этап лингвистических заблуждений.

Каковы же теоретические постулаты и практические результаты «лингвистики текста»? ¹

1. Рассмотрим прежде всего работы по «лингвистике текста», авторы которых не связывают изучение структуры текста со смысловыми связями между предложениями. Как понимается в этом случае сущность ее объекта — текст? Некоторые лингвисты ограничиваются лишь указанием на самоочевидные признаки текста, подходя к нему не снизу, путем исчерпывающих эмпирических исследований, а сверху, путем декларации лишь видимых признаков.

Большинство концепций «лингвистики текста» формулируется таким образом, будто в истории языкознания они не имеют предшественников и призваны «заполнить пустоту». «Лингвистика текста» возложила на себя обязанности изучать традиционные проблемы стилистики и поэтики. Иногда весь «грамматический» анализ текста сводится к чисто стилистическому описанию.

Объявлять, что текст — это первичный способ существования языка, значит все ставить с ног на голову: это утверждение означает, что текст не состоит из каких-либо более мелких структурных единиц, которые были бы уровнем «ниже» текста, т. е. текст локализован в мозгу человека целиком, а весь язык, следовательно, записан в нейронных связях человеческого мозга в виде набора (структуры, системы?) текстов как ингредиентов языка, нечленимых далее на более мелкие структурные единицы. Как такой язык может породить новые, совершенно неизвестные тексты? Если есть «первичный» способ существования языка, значит, должен быть и

¹ При написании данной статьи нами было проанализировано более 500 работ зарубежных и отечественных лингвистов, логиков и философов, прямо или косвенно затрагивающих «лингвистику текста», а также использован наш собственный опыт анализа художественных текстов. Ввиду ограниченности места библиография по теме приводится минимальная.

«вторичный» способ существования языка. Но тогда возникает вопрос: в каком виде и где? Можно предположить, что этот «вторичный способ существования языка» есть нечто, находящееся или в учебниках по грамматике естественного языка, или в мозгу человека в виде той же системы лексико-грамматических правил (у них лишь разная материальная форма манифестации). Тогда окажется, что «текстами» как исходными структурными единицами языка, неделимыми далее на более мелкие структурные единицы, как «первичным способом существования языка» создаются и регулируются, как это ни парадоксально, грамматические правила, зафиксированные и в учебниках по грамматике естественного языка, и в мозгу человека (а не наоборот).

Текст, как считают некоторые лингвисты, — это упорядоченная последовательность морфем, т. е. последовательность, состоящая минимально из двух морфем, максимальный же ее состав не ограничен. Это означает, что текст приравнивается к речевому отрезку любой протяженности — к морфеме, слову, предложению, абзацу, целой главе, целому роману. В потоке речи исчезли границы между составляющими текст единицами как слева, так и справа, объем текста как объекта исследования в «лингвистике текста» становится расплывчатым и неопределенным.

Текст считается «единицей» языковой системы знаков, «единицей языка» [1, с. 106; 2, с. 3], «коммуникативной единицей», «высшей и независимейшей единицей языка», первичным языковым знаком, состоящим из упорядоченного множества частичных знаков, и входит в ряд «фонема», «морфема», «слово», «предложение» как его наивысшая единица, стоящая после «предложения». «Единицей» (unit, unité, Einheit, unidad), как пишет О. С. Ахманова, считается «отрезок речи, регулярно воспроизводимый как данное специфическое единство выражения и содержания», это «постоянные (устойчивые) элементы языка», которые «не создаются в речи, не составляются в ней, а воспроизводятся в ней целиком» (везде разрядка наша. — К. А.) [3]. С этих позиций текст — не структурная единица языка, и вообще не «единица». Если бы текст был «единицей», он был бы «кирпичиком» для построения чего-то большего, чем является сам, и, следовательно, образовывал бы сверхтекст, текст второго порядка, чего нет в языковой действительности. Некоторые лингвисты считают, что текст может быть «моделирован» и в связи с этим является единицей языка. Моделирование — это метод познания объекта, обладающего системой и структурой элементов, т. е. единиц одного и того же или разных уровней. В этом смысле, разумеется, тексты можно моделировать, но моделировать не как единицы языка, а как состоящие из единиц разных уровней, моделировать их внутреннее устройство, т. е. систему, структуру одноуровневых и разноуровневых единиц, составляющих тексты. Именно оттого, что объект поддается моделированию, он не может быть постоянным, устойчивым, повторяющимся, воспроизводимым, т. е. «единицей» языка.

Иногда, чтобы оправдать вновь введенные термины «лингвистика текста», «грамматика текста» и показать, что лингвист в этой области науки имеет дело с реальными единицами, не знакомыми языкознанию ранее, на давно известные грамматические явления наклеивают новые терминологические этикетки: например, термин «побудительное предложение» показался недостаточно научным и его заменяют термином «текст-приказание». По аналогии вводятся также термины «текст-инструкция», «текст-просьба» и др. [2, с. 60].

Каковы программные установки «лингвистики текста»? «Лингвистика текста» — это специальная дисциплина, цель которой — описание «сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации». Тем самым «лингвистика текста» тесно смыкается с современной «синтаксической семантикой», между которыми, как справедливо пишет Т. М. Николаева, «трудно провести демаркационную линию» [4]. Коммуникация — это «обмен мыслями ... посредством знаков» (разрядка наша. — К. А.) [5, с. 269]. Если «лингвистика текста» занимается проблемой «обмена мыслями», то она вторгается в область философии, логики,

психологии, физиологии. Если «лингвистика текста» занимается проблемой знаков, то она дублирует кибернетику, семиотику, языковедение, т. е. те области, которые сформировались и благополучно развивались еще до появления «лингвистики текста». В первом случае сторонники «лингвистики текста» не могут давать научных рекомендаций, не став, соответственно, философами, логиками, психологами, физиологами. Во втором случае специалисты по «лингвистике текста» должны стать или профессиональными кибернетиками и семиотиками, или должны вернуться к своим прямым обязанностям и опуститься на «грешную землю» реального языковедения — изучать знаки с точки зрения фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса, семантики, т. е. продолжать исследовать язык, но теперь уже на более высоком уровне — «язык в действии», «язык в тексте». Как пишут некоторые сторонники этого направления, «лингвистика текста» основывается на таких обращениях к человеку областей лингвистического исследования, которые переориентируют ее на изучение текста как феномена социального языкового действия и как выражение межличностного языкового общения [2, с. 165]. Этот тезис надо понимать как призыв к отказу от исследования чисто языковедческих проблем текста, призыв к изучению лишь «обращенных к человеку» проблем языковедения, чтобы из семантически и грамматически выхолощенного текста (учитываются лишь «социальное языковое действие» и «межличностное языковое общение») создать «новую» область науки о языке — «лингвистику текста». Неудивительно, что в работе О. И. Москальской, претенциозно озаглавленной «Грамматика текста», под «грамматику текста» подводятся все свойства текста, не имеющие признаков «грамматичности»². И это не случайно, ибо «Грамматика текста» О. И. Москальской основана не на сплошном анализе текста, написанном на естественном (немецком) языке, а лишь комментирует «прагматические» проблемы, заимствованные в зарубежном, главным образом в западногерманском, американском и английском языковедении. Передача в ведение грамматики всех проблем текста, в том числе и «способностей человека в организации текста», — это повторение пути, который уже был проделан Н. Хомским.

В компетенции «лингвистики текста» входит изучение «композиции и текста, видов речи, актуализаторов текста» [2, с. 168], которые фактически принадлежат исключительно литературоведению. В «лингвистике текста» изучают «грамматику» рассказа, в основе которой лежит представление о единстве речевой деятельности (langage) и литературного повествования (récit), а также интeгpацию, сцепление, ретроспекцию, проспекцию, партитурность, континуум [8, с. 524]. В «лингвистике текста» вполне нормальным стал считаться даже такой прием анализа, как постановка беллетристических вопросов к тексту, не имеющих никакого отношения к языковедению: «каково ваше общее впечатление от романа; какой персонаж вызывает эмоциональную реакцию; что вы запомнили о лошадях, о хозяевах, ферме, окружающей природе? Под влиянием теоретических положений «лингвистики текста» в вузовских курсах зародилась ее прикладная реализация в виде такой «языковедческой» дисциплины, как «текстология», которая занимается следующими проблемами: о чем и как пишут тексты и как их надо толковать. Например, Г. В. Колшанский, анализируя текст И. С. Тургенева «Бежин луг», приходит к выводу, что в основе структуры текста лежат «текстемы», выделяемые им на основе графического оформления. В этом и состоит, по мнению Г. В. Колшанского, «корректное членение текста». В результате такого анализа Г. В. Колшанский

² Как справедливо пишет В. Г. Адмони, в этом случае «грамматика растворяется в теории текста» [6]. Искусственное отнесение всех «обращенных к человеку» свойств текста к «грамматике текста» не означает, что эти свойства стали грамматическими. Подобное смешение разнорядковых объектов в рамках одной науки остроумно высмеял Ф. Энгельс: «...мыслимое, если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в реальных образах это единство уже до этого существовало». От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с молокопитающими, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы» [7].

предлагает выработать практические рекомендации «правил дельмитации» текстов для авторов и редакторов [1, с. 98—102].

II. Однако в лингвистике текста³ все же чаще представлена точка зрения, согласно которой структура текста регулируется смысловыми связями между предложениями. Самыми фундаментальными свойствами текста считается его «связность» и «целостность». Это «открытие» вдруг стало столь важным, что оно послужило основанием для выделения из науки о языке новой лингвистической дисциплины — «лингвистики текста» и легло в основу поиска всех остальных признаков текста. Однако в «связности», «целостности» текста «повины» не только лингвистика, но и логика, философия, теория коммуникации, теория информации, литературоведение³. Только в том случае, если бы «лингвистика текста» практически показала систему организации языковых средств в «связном», «целостном» тексте, вывела бы законы функционирования в нем различных лексико-синтаксических форм и поставила их в непосредственную связь с семантическими значениями последних, только тогда эта лингвистическое направление пошло бы далее традиционного языкознания и вполне оправдывало бы свое название. К сожалению, этого не случилось.

Во многих работах по «лингвистике текста» уже осознана сущность текста как цепочки предложений любой протяженности, соотнесенных друг с другом семантическими связями. Однако авторы таких работ не раскрывают сущность семантических связей в тексте. Одни исследователи определяют семантические связи в тексте по тематическому признаку: например, для Г. В. Колшанского — это «тема забаца» («летний день», «осенний день») [10], для О. И. Москальской — «смена темы» как решающий сигнал границы текста [2, с. 166]. Другие исследователи под семантикой как организующим началом текста понимают «грамматическую правильность» текста, имея в виду при этом логику изложения, смысл текста, логические связи, определенные импликации и пресуппозиции. Свообразное преломление идеи о семантических связях предложений в тексте видят в жестком порядке их взаимного расположения. Место каждого предложения в тексте определяется его синтаксической ролью в тексте, а его синтаксическая роль определяется информационной структурой текста [2, с. 174]. Следовательно, такие понятия, как семантическая структура текста, синтаксическая структура текста, информационная структура текста, — полные синонимы. Это означает, далее, что грамматика, семантика, информация — якобы одно и то же. И действительно, описывая «грамматику» текста, О. И. Москальская описывает семантическое значение отдельных предложений, причем только с точки зрения прагматики (дается оценка информации), в качестве структурных элементов которого выступают «смена темы», «единство темы», «аранжировка предложений», «косвенные речевые акты» и пр. [2, с. 76].

Некоторые лингвисты, не камуфлируя семантические связи в тексте под «грамматику текста», высказались совершенно определенно в пользу того, что структура текста регулируется его смыслом. Текст — это система смысловых отношений (связей), определенно организованная по цели и по смыслу совокупность фраз. Мысль о необходимости исследовать смысловые (логико-синтаксические, логико-грамматические) связи между предложениями в тексте наиболее определенно выразил И. А. Фигуровский: между самостоятельными предложениями должны быть определенные, легко проясняемые логико-синтаксические связи [11, с. 22]. Он пишет: «Нужно преодолеть традиции ограничивать предмет синтаксиса пределами предложения и перейти к исследованию широких и разнообразных смысловых связей в целом тексте» (разрядка наша. — К. А.) [11, с. 31].

Однако «лингвистика текста» не предприняла никаких шагов для изучения логико-грамматической структуры текста на материале конкретного

³ Как справедливо пишет Г. В. Степанов, все эти проблемы (целостность, динамичность образа, личностность) «лежат вне сферы лингвистики... а должны рассматриваться с точки зрения теории литературы...» (разрядка наша. — К. А.) [9, с. 204].

языка, хотя вплотную подошла к этой проблеме: одно из основных свойств текста проявляется в «средуцированности речи», «к о м п р е с с и и р е ч и». Явление компрессии, уплотнения вербального состава текста (*Verdichtung*) может быть отнесено к одной из существенных характеристик текста. Весьма важно для общей теории текста и второе его свойство, можно сказать, глобальное свойство языка, непосредственно связанное с первым: пишущий и читающий (говорящий и слушающий) должны обладать о б щ и м ф о н д о м з н а н и й: взаимопонимание, даже в письменной форме, не может превысить определенную степень эксплицитности. Но «лингвистика текста» в этом вопросе не является первооткрывателем: это давно известно и в общем языкознании в виде «языковой экономии», и в психологии в виде общей «апперцепции» говорящего и слушающего («общего фонда знания» говорящего и слушающего), и в логике, в частности в учении о логических энтимемах как умозаклчениях, в которых из трех обязательных логических суждений опущено одно или два суждения. Поэтому наличие в тексте «общего фонда знания» есть такое свойство текста, которое является производным от мышления, сознания, т. е. фактов, находящихся в первую очередь в мозгу человека. Однако авторы работ по «лингвистике текста», даже там, где они имеют дело с логическими формами мыслительного содержания, с умозаклчениями, не доходят до логического анализа текста, оставаясь на полпути, «застревая» в субъективных прагматических комментариях. Последовательность предложений есть высшая структурная единица текста, и она, как считают представители «лингвистики текста», регулируется прагматикой. Мы должны, следовательно, заключить, что структура текста регулируется прагматикой. Но структуру текста, по Т. ван Дейку, можно объяснить лишь в рамках «серьезной грамматической теории» [12, с. 333]. Следовательно, в основе «серьезной грамматической теории» текста должна лежать наука, называемая «прагматикой» [12, с. 279—280]. Таким образом, тот, кто ставит перед собой цель изучить структуру текста, должен опуститься до уровня прагматического описания каждого отдельного предложения, должен заниматься лишь каталогизированием «прагматических интенций» без всякой попытки обобщить и свести их к каким-либо закономерностям, которые можно установить только в тесной связи с грамматическими формами и семантическим значением предложений⁴.

Насколько может быть спекулятивным изучение структуры текста с позиций прагматики, показывают следующие примеры Т. ван Дейка: а) *Джон болен. Сегодня вечером он не придет*, б) *П о с к о л ь к у Джон болен, сегодня вечером он не придет*, в) *Сегодня вечером Джон не придет, п о т о м у ч т о он болен*, г) *Джон болен, п о э т о м у он сегодня не придет* [12, с. 260]. Т. ван Дейк пишет: «... одним из главных факторов, определяющих структуру последовательности предложений (структуру текста. — К. А.), является структура передаваемой с ее помощью последовательности речевых актов» [11, с. 285]. С одной стороны структура последовательности предложений в тексте, по Т. ван Дейку, определяется последовательностью речевых актов (нечто первичное — речевые акты). С другой стороны, о последовательности речевых актов мы можем судить лишь на основе последовательности предложений в реальном тексте, «передающих» эти речевые акты и совпадающих с ними (нечто первичное — последовательность предложений). Т. ван Дейк, допуская здесь логическую ошибку *circulus vitiosus*, в полном согласии с теоретическими постулатами прагматики ставит лишь узкопрагматические цели «без всякого выхода за пределы опыта». На самом же деле эти тексты должны быть исследованы только на основе связи языкознания (формы языка) и логики (формы мысли). Так как во всех четырех текстах выражена связь двух мыс-

⁴ Можно согласиться с Ю. С. Степановым, что «термин „прагматика“ неудачный с самого начала и влекущий ложные ассоциации (например, с прагматизмом), теперь решительно не отвечает своему содержанию» [13]. Тем не менее, сегодняшнее направление в исследовании текстов с сугубо прагматической ориентацией, говоря словами В. И. Ленина, «...превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием прагматику... без всякого выхода за пределы опыта...» [14].

лей (двух суждений), одна из которых служит следствием (resp. причиной) другой, то мы имеем дело с логическими умозаключениями. Все четыре умозаключения, выраженные совершенно различными синтаксическими конструкциями, построены по единым для всех умозаключений правилам модуса «Селент» (первая фигура, второй модус) как умозаключения, в качестве следствия (заключения) в которых выступают общеутвердительные суждения, а в качестве меньшей посылки — общеутвердительные суждения. Все четыре умозаключения выражены в форме энтимем — сокращенных умозаключений с отсутствующей большей посылкой. На этом общность указанных четырех текстов кончается. Начинаются различия в языковой форме репрезентации этих умозаключений и в логической структуре самих умозаключений: (а) Умозаключение выражено на основе концептуальной (семантической) связи двух самостоятельных предложений с последовательностью суждений: меньшая посылка (первое предложение) — заключение (второе предложение) (* *Больные люди не ходят в гости*⁵. *Джон болен. Джон не придет в гости*); (б) Умозаключение выражено сложноподчиненным предложением с последовательностью суждений: меньшая посылка (придаточное предложение с *поскольку*) — заключение (главное предложение); (в) Умозаключение выражено сложноподчиненным предложением с последовательностью суждений: заключение (главное предложение) — меньшая посылка (придаточное предложение с *потому что*); (г) Умозаключение выражено сложносочиненным предложением с последовательностью суждений: меньшая посылка (первое простое предложение) — заключение (второе простое предложение с *поэтому*). Вопрос о том, когда для выражения некоторой информации используется сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, а когда несколько предложений, систематически еще не изучался. Это проблема не «прагматики», не «перформации», как полагает Т. ван Дейк, а вопрос живой связи языковых и логических форм, связи языкознания и логики как различных наук, имеющих один и тот же объект исследования — естественный язык. Различие между преимущественным употреблением в тексте предложений с *поскольку*, *потому что*, *поэтому* и бессоюзной связью двух предложений невозможно объяснить с точки зрения прагматики и социальной психологии [4, с. 522]. Здесь нужна массовая обработка эмпирического материала, анализ которого с позиций языкознания позволит выявить л и н г в и с т и ч е с к и е з а к о н ы преимущественного употребления указанных синтаксических конструкций.

Аналогичным образом поступают и другие представители «лингвистики текста». Х. Изенберг, например, выделяет в предложениях следующие виды прагматических связей: (а) спецификация (от общего к частному): *Gestern ist ein Unglück geschehen. Peter hat sich den Arm gebrochen*; (б) диагностическая интерпретация: *Es hat Frost gegeben. Die Heizungsrohre sind gesprungen*. Фактически здесь представлена одна и та же причинно-следственная семантическая связь, которая, в конечном итоге, есть связь логическая. Эти сверхфразовые единства — логические умозаключения (силлогизмы), выраженные в соответствующих языковых формах: (а) и (б) — энтимемах модуса «Варбага» (первая фигура, первый модус) с опущенной большей посылкой. Энтимема (а) имеет последовательность суждений, противоположную логически правильной последовательности: заключение — меньшая посылка. Энтимема (б) имеет логически правильную последовательность суждений: меньшая посылка — заключение. По мнению О. И. Москальской, в качестве смысловых единиц текста могут выступать «косвенные речевые акты» [2, с. 126], например, вопросительная форма, имеющая в глубокой структуре побудительную коммуникативную целеустановку: (а) *Wollen Sie nicht ablegen? Es ist hier recht warm*; (б) *Peter, machst du das Fenster zu? Ich habe doch gesagt, daß es zieht*. Если идти дальше переименования на прагматический лад известного из традиционной грамматики факта, что вопросительная форма имеет здесь «побудительную ком-

⁵ Звездочка обозначает, что данное суждение (в данном случае большая посылка) опущено.

муникативную установку», мы увидим, что сущность этого сверхфразового единства заключается в следующем: в основе «косвенных речевых актов» лежат логические силлогизмы (эпитемы), причем в форме вопросительного предложения представлено заключение силлогизма, а в форме утвердительного предложения — меньшая посылка силлогизма. Оба логических силлогизма построены по правилам модуса «Barbara» (первая фигура, первый модус) с обратным порядком следования меньшей посылки и заключения, принятым в логике: заключение — меньшая посылка: (а) * *Кому тепло, тот снимает пальто. Ему тепло. Он снял пальто*; (б) * *Где сквозняк, там закрывают окна. Здесь сквозняк. Здесь закрыли окна*. Субъективный прагматический анализ текста, основанный на «единстве темы», «смене темы», «косвенных речевых актах», ничего не дает в языковедческом плане: нам не ясны формы мысли, заложенные в этом тексте (конкретное содержание самих мыслей не есть объект языкознания), и формы языка, которые служат для выражения этих форм мысли. В данном случае языковед остается на уровне поверхностного наблюдения, «не выходит за пределы непосредственного опыта», не видит в сверхфразовых единствах более глубокой семантической связи, имеющей логическую природу. В копировании зарубежных «прагматистов» О. И. Москальская зашла столь далеко, что стала вообще отрицать наличие логических категорий в тексте. Она считает, что текст художественных произведений вообще не отражает формы мысли: такой взгляд, по ее мнению, возможен по отношению к спонтанной устной речи, но уже менее приложим к текстам нехудожественной речи и совершенно неприменим к художественной речи» [15]. Возникает вопрос: может ли быть «художественный замысел» бессмысленным?

Тем не менее представители «лингвистики текста» конкретно увидели, что в основе свернутых языковых выражений, компрессии языковой формы лежат логические категории, в которых отражаются наши знания о мире, необходимые для интерпретации связанных текстов, что в основе смыслового развития текста лежит механизм вывода, что в тексте существуют такие связи, за которыми скрываются общие структурные механизмы — «следствия», «выводы». Более того, мы можем извлекать следствия из любых высказываний с различными модальностями (вопросы, приказания, пожелания и т. д.). Например, Г. В. Колшанский пишет: «Все другие показатели структуры текста... не могут рассматриваться как непосредственные грамматические признаки текста. Они — лишь подчиненное, локальное средство при доминировании семантических признаков, главным из которых является следование элементарных суждений — мыслей, заключенной в высказываниях» [1, с. 108] (разрядка наша. — К. А.). Эти идеи можно рассматривать как один из первых шагов такого семантического анализа, который подводит к анализу логических форм мысли.

Какие напрашиваются выводы?

1) Большинство работ по «лингвистике текста» носит обзорный, комментаторский характер, неконструктивны, оторваны от эмпирического материала (представители «лингвистики текста» на словах приветствуют ориентацию на «эмпирию», но на самом деле произвольно истолковывают только конкретные предложения, не желая делать никаких общих выводов на основе массового исследования однотипного фактического материала), в них отсутствуют сведения о фактических языковых свойствах текста, его единицах, структуре. В «лингвистике текста» преподносятся как научное откровение некоторые давно известные истины («связность» и «целостность» текста; наличие в текстах «смысла», своего собственного «стиля»). У своего объекта — текста «лингвистика текста» не нашла никаких строго выверенных, последовательно обоснованных, объективно существующих структурно-семантических признаков (она запуталась даже в том, что в языкознании давно известно). Правы те лингвисты, которые считают, что главный недостаток большинства подходов к созданию «лингвистики текста» состоит в том, что основные проблемы а priori считаются решенными, тогда как их (чтобы всерьез можно было бы говорить об особой «линг-

вистике текста) еще предстоит решить [12, с. 269]. П. Сгалл считает, что «лингвистика текста» рекламирует свои постулаты, мало заботясь об их эмпирическом обосновании, что реальный анализ языка в тексте часто не идет дальше известного [16].

2) Естественно ожидать, что определения структуры текста и его единиц, не соответствующие эмпирическому материалу и противоречащие давно установившимся общелингвистическим понятиям, не могли не отразиться и на определении целей и задач самой науки «лингвистики текста». Произошел разрыв между пониманием текста, его структуры, его единиц и программными установками «лингвистики текста». Этот разрыв не случаен, ибо он обусловлен двумя обстоятельствами: с одной стороны, свойства текста лишь декларуются априорно, без массовой обработки эмпирического материала, без фактического грамматического анализа текстов, а, с другой стороны, программные установки выдвигаются умозрительно, без опоры на уже провозглашенные свойства структуры текста и его единиц. Отсюда ясно, что «лингвистика текста» — это течение, не связанное непосредственно с изучением языковедческих проблем естественного языка, и, следовательно, оно не может претендовать на научность.

3) «Лингвистика текста» начала зарождаться тогда, когда, по мнению Т. М. Николаевой, был снят запрет, согласно которому лингвистические факты должны объясняться только лингвистическими фактами (позицией лингвистических единиц, их сочетаемостью и т. д.). Естественно, в «лингвистику текста» хлынуло множество идей из разных областей смежных наук. «Лингвистика текста» стала превращаться в науку аморфную, распылчатую, неопределенную. Поскольку языковедение связано с многими науками — точными, естественными, гуманитарными, — то «лингвистика текста» берет на себя смелость подвести отдельные разделы из этих наук под одну — «лингвистику текста». Фактически «лингвистика текста», претендуя быть наукой универсальной, предстает не как наука о структуре текстов с точки зрения естественного языка, а как некий конгломерат наук, решающий несвойственные истинному языковедению проблемы. Поэтому «лингвистика текста» при анализе конкретных текстов вынуждена вопросы этих наук решать на дилетантском уровне, растворяя их в лингвистических проблемах. Превращать «лингвистику текста» в своего рода «философию текста» в наше время все большей дифференциации наук, уточнения их границ и более глубокого в них проникновения — значит уподобляться средневековой философии, когда все естественные и гуманитарные науки развивались в «утробе» единой, нерасчлененной науки — философии. Сила любой науки не в поглощении других наук и, следовательно, не в присвоении результатов других наук, а в четком разграничении объектов разных наук и в интегрировании их результатов.

4) В орбиту «лингвистики текста», объявляемой «общей теорией языка», включают штудии в с е х свойств, которыми обладает реальный художественный текст, кроме главного, — выявления системы логико-грамматических связей в тексте. Если идти далее прагматических комментариев, то мы должны сказать, что в основе объединения двух предложений, находящихся в причинно-следственных и иных отношениях, лежат не прагматические фигуры, а логические формы мысли, в том числе и формы мысли, называемые логическими умозаключениями (силлогизмами), а также логическими суждениями, не находящимися в причинно-следственных связях. Прагматические фигуры «последовательности речевых актов» Т. ван Дейка, «спецификация» и «диагностическая интерпретация» Х. Изенберга, «сцепление», «ретроспекция», «проспекция», «партитурированность», «континуум» И. Р. Гальперина, «смена темы», «единство темы», «косвенные речевые акты» О. И. Москальской, претенциозно объявляемые «общей теорией языка», фактически ни в малейшей степени не отражают лингвистическую сущность текста, в частности и потому, что не содержат в себе теоретического, «объяснительного» начала. Перед нами практическая реализация постулатов теории «речевых актов», постулатов «лингвистической философии», развиваемой зарубежными философами неопео-

зативистского направления [4, с. 314]. В силу своих схоластических тенденций «лингвистическая философия» не видит верного пути к пониманию сущности языка и приходит в конечном счете к конвенционалистской его трактовке: язык для «лингвистической философии» — средство конструирования, а не отображения мира» [9, с. 196]. Некоторые отечественные лингвисты пишут, что «...ни философия языка („лингвистическая философия“.— К. А.), ни предлагаемая зарубежными философами (Остином, Вендлером, Сёрлем.— К. А.) теория „речевых актов“ не могут быть отнесены к языковедению» ([17, с. 70]; ср. также [4, с. 314]).

5) Прагматические комментарии текстов — нечто расплывчатое, неопределенное, допускающее полный произвол, что и делается фактически в «лингвистике текста». Стала выходить масса «лингвистических» работ, главная цель которых — не изучение языковых фактов в тексте, а субъективные прагматические комментарии текстов. Авторы подобных исследований текстов, оставаясь на уровне поверхностного наблюдения объекта, «без всякого выхода за пределы опыта», исследуют текст по принципу «что вижу, о том и пишу»⁶, хотя, как известно, истинная наука не лежит на поверхности. Некоторые представители «лингвистики текста» отошли от понимания текста как языка в его реальном, живом функционировании, остановились на уровне «прагматического» наблюдателя, не поднявшись до научного, логического обобщения эмпирического материала. Если к тексту подходить с данных позиций, то мы должны признать, что эта область необъятна. И действительно, некоторые исследователи, вводя понятие «транслингвистики», которая занимается отрезками текста от предложения и выше, считают эту область необъятной, «не поддающейся обзору», «безграничной» в связи с бесконечностью текстов. Если это так, то «лингвистика текста» — не наука, ибо наука ищет в своем объекте нечто постоянное, типичное, повторяющееся, закономерное, устойчивое. «Лингвистика текста» может быть поднята до истинно научного, т. е. абстрактного, уровня лишь в одном случае: типологические черты и признаки текста должны и могут быть выявлены только методами языковедения (а не прагматики, ограничивающейся описанием внешних связей речевых актов), которое должно изучать в тексте только общее: все многообразие грамматических, лексических и смысловых связей в тексте должно быть сведено к немногим устойчивым и обязательным типам.

6) Некоторые советские лингвисты, обосновывая дату зарождения «лингвистики текста», неожиданно обнаружили, что «лингвистика текста» в СССР зародилась в 1948 г., тогда как за рубежом — лишь в 1952 г. Однако здесь желаемое выдается за действительное. Г. О. Винокур, Н. С. Поспелов, И. А. Фигуровский вовсе и не помышляли видеть в тексте то, что в нем сегодня видит «лингвистика текста». Нет объективных данных приписывать советскому языковедению роль первооткрывателя «нового» лингвистического течения — «лингвистики текста» и приписывать ему бесплодные идеи для оправдания несостоявшейся науки. Указанные советские лингвисты пытались показать, что лингвистика, желающая объективно изучить синтаксические и семантические свойства предложений, не должна ограничивать себя лишь изучением изолированных предложений, что необходим выход в текст, понимаемый как всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ и т. п., а также часть, отрывок из них).

7) О. И. Москальская пишет, что стимулом к созданию «лингвистики текста» было осознание в 40—50-е годы того факта, что не все лексические и грамматические феномены возможно адекватно описать в рамках отдель-

⁶ Примечательно в этом отношении и некоторые рецензии на работы по «лингвистике текста». У нас появилась даже панегирическая форма «критического» разбора работ по «лингвистике текста» — чем хуже такая работа, тем она лучше: «Эта мысль (о том, что текст существует только в письменном варианте литературного языка.— К. А.) (вероятно, не бесспорна) представляется весьма плодотворной». И далее: «При чтении книги И. Р. Гальперина возникает много вопросов, но все они принимаются..., но это не недостаток, а достоинство книги...» (ведь разрядка наша.— К. А.) [48].

ных предложений. Отсюда — возникновение новой области синтаксического описания — «лингвистики текста» [2, с. 164]. То, о чем пишет О. И. Москальская, на самом деле — не причина, а следствие. Причиной же послужил кризис структурной и генеративной лингвистики, которые оказались неспособными научно решать выдвигаемые временем и потребностями автоматической переработки текстов (в том числе и машинного перевода) сложные прикладные и теоретические задачи языкознания. «Лингвистика текста» основное внимание уделила наиболее слабым пунктам структурной и генеративной лингвистики, но восприняла их некритически. Так как структурной лингвистике была чужда такая область языкознания, как семантика, то «лингвистика текста» объявила, что она занимается семантикой. Так как генеративная лингвистика потерпела крах в своей основной догме о «врожденных человеческих способностях» порождать тексты, то это свойство генеративной грамматики заменено более дифференцированным описанием прагматических характеристик вербальной коммуникации. Таким образом, «лингвистика текста» выросла не из эмпирического материала, ее становление началось не снизу, не методом индукции, а сверху, методом дедукции, в результате создавшегося вакуума и теоретического переосмысления некоторых положений структурной и генеративной лингвистики. Даже тогда, когда в своих практических исследованиях «лингвистика текста» идет от текста (метод индукции), то она исходит из языкового массива, не ограниченного строгими лингвистическими целями. «Лингвистика текста» — это бегство от эмпирического материала, языка в его живом функционировании, т. е. «языка в тексте» как истинного объекта языкознания, это стремление уйти от слова, от предложения (хотя в этих областях еще так много нерешенного).

8) Как считают некоторые лингвисты, «лингвистика текста» — это молодая, но бурно развивающаяся область языкознания. Она, действительно, бурно развивается, но развивается, в основном, количественно. Появляется масса работ по «лингвистике текста», которые, как отмечает В. Г. Гак, исследуют текст лишь с точки зрения его теоретико-информационных и семантически-прагматических характеристик [19]. Многие лингвисты отошли от истинных целей изучения «языка в тексте», поддались увлечениям «модными», но бесперспективными теориями, не устояли перед соблазнами конъюнктурных соображений. А иные начинающие лингвисты, еще недостаточно твердо стоящие на «научных лингвистических ногах», увлеклись модными заграничными новинками, которые им кажутся научным открытием, распахнувшим двери в материалистическое понимание явлений языка⁷. Сейчас в «лингвистике текста» потеряна перспектива (вернее — ее не было с самого начала создания «лингвистики текста»), т. е. ее представители, пытаясь придать развиваемым в «лингвистике текста» положениям научную важность и исключительность, практически извращают истинную сущность науки о языке и указывают лингвистам, особенно начинающим, ложный путь развития отечественного языкознания. Вот как охарактеризована сегодняшняя ситуация в языкознании в одной из работ: «...даже самого беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться, сколь узким остается у многих авторов кругозор, как легко они удовлетворяются приблизительными формулировками, особенно, если эти формулировки... восприняты как „новые“ и „оригинальные“ („модные“). Еще хуже то, что нередко повторяя те или иные поправившиеся лозунги, не вникают в их методологические основы...» [17, с. 75].

III. В чем должен искать лингвист смысл истинного лингвистического анализа текста? Несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, текст, как считает Т. В. Булыгина, не образует все же специфической структуры (разрядка наша. — К. А.), свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений [21]. Некоторые лингвисты также считают, что «язык» и «текст» —

⁷ Л. В. Щерба писал еще в 1945 г.: «Не могу не сделать здесь лирического отступления и не посоветовать на своих соотечественников, которые признают идеи, лишь снабженные заграничной (разрядка наша. — К. А.) маркой» [20].

сущность одного свойства, синонимы [4, с. 66]. П. Сталл прямо ставит вопрос: существует ли такая единица языковой системы, которая бы выходила за пределы предложения? И отвечает: нет, не существует, у «лингвистики текста» нет объекта исследования [16, с. 84]. Дальше предложения как единицы синтаксиса нет ничего, ибо возможность подвергать языковые единства формальному анализу убывает по мере повышения его иерархического уровня и возрастания его объема. Это связано с более «рыхлой» системой правил на уровне текста. Таким образом, уже синтаксическое учение о предложении предполагает изучение не изолированных предложений, а предложений, функционирующих в связанном тексте. И действительно, все примеры в традиционной грамматике любого языка берутся из конкретных художественных текстов, и уже до исследования в них соответствующих грамматических явлений они имеют п р и з н а к и «текстовой жизни». Языкознание неизбежно всегда было наукой «текстовой», наукой о языке в его функционировании⁸. Но наука не стоит на месте, теперь языкознание (пусть это будет «лингвистика текста») должно ставить перед собой цель — изучать с в я з и предложений, многие из которых уже были изучены ранее, заниматься языковыми построениями выше уровня предложения и исследовать не только те связи, которые уже известны из традиции, но и идти дальше. Изучать текст («язык в тексте») с позиций языкознания (пусть это будет «лингвистика текста») — значит исследовать прежде всего две относящиеся к области языкознания сферы — грамматическую форму и семантическое значение предложений, составляющих текст (но не конкретные значения двух связанных по смыслу предложений, что не является вообще объектом науки, а форму этих значений). Если верно, что языкознание должно изучать в тексте грамматическую форму предложений, а также их семантическое значение, то мы неизбежно приходим к тому, что текст в плане целей и задач языкознания есть объект не «лингвистики текста», ориентированной на прагматическое исследование текстов, а объект «функциональной грамматики», которая разрабатывает «динамический аспект функционирования грамматических единиц и категорий во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении с м ы с л а высказывания» и которая рассматривает систему языковых средств «на основе с е м а н т и ч е с к о г о (разрядка наша. — К. А.) принципа их группировки» [22].

Теперь задача языкознания состоит в том, чтобы грамматические признаки данного предложения связать с грамматическими признаками смежных предложений и изучить их взаимодействие. Однако предложение, как известно из синтаксиса, может быть представлено огромным многообразием структурно-грамматических типов. Если еще учесть, что многие структурно-грамматические типы предложений находят фактическую реализацию лишь в строго определенном лексическом воплощении («наполнении»), то станет понятным, что современный язык располагает огромным богатством различных лексико-грамматических типов предложений, формирующих текст. Естественно задать вопрос: предложения каких лексико-грамматических типов связываются друг с другом в тексте? Или иначе: какова последовательность различных лексико-грамматических типов предложений по отношению друг к другу и по отношению ко всему связанному тексту, какова структура предшествующих предложений и какова структура последующих предложений, каковы лексико-грамматические законы сцепления двух и более следующих друг за другом предложений? В этом случае мы, действительно, выявим «классы лексико-грамматических форм» и законы связи отдельных предложений в более крупные по сравнению с предложением единицы — связный текст, цементирующей основой которого служат категории мышления. Только этим путем мы можем выявить «грамматику текста». Но это уже будет не «грамматика текста» в виде таких ее умозрительных и бесформенных прагматических фигур, как «по-

⁸ Стоит только заглянуть в любую диссертацию по языкознанию, выполненную на материале естественного языка, как мы увидим длинные перечни «текстов» художественной литературы, т. е. художественных текстов, из которых были почерпнут эмпирический материал.

следовательность речевых актов» (Т. ван Дейк), «спецификация» и «диагностическая интерпретация» (Х. Иаенберг), «сцепление» «ретроспекция», «проспекция», «шартитурность», «континуум» (И. Р. Гальперин), «смена темы», «единство темы», «косвенные речевые акты» (О. И. Москальская), «текстемы», «тема абзаца» (Г. В. Колшанский), а «грамматика текста» с истинными грамматическими единицами, «привязанными» к определенным семантическим категориям. Таким образом, тот, кто хочет исследовать текст, должен установить семантико-синтаксическую структуру текста, т. е. выявить, какие грамматические формы служат для выражения тех или иных семантических категорий или, наоборот, какие семантические категории выражаются теми или иными грамматическими формами языка.

Изучение текстов, действительно, может дать много совершенно нового для языкознания. Это новое будет состоять в открытии новых законов взаимодействия определенных лексико-синтаксических структур друг с другом, а эти взаимоотношения будут зависеть уже не от синтаксической структуры сочетающихся на уровне текста предложений, а от семантики этих предложений, т. е. от мыслительных категорий. Грамматическая организация текста должна подчиняться законам его мыслительной организации. В самом деле: можем ли мы с такой же легкостью вычлени в тексте его единицы («последовательности предложений», «сверхфразовые единства»), как, например, отдельные предложения, рассматриваемые в традиционной грамматике? Не можем. «Последовательности предложений», «сверхфразовые единства» не имеют регулярных грамматических способов выражения, если не считать известные из традиционной грамматики сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова, различного рода повторы и пр. Значит, «последовательность предложений», «сверхфразовые единства» создаются говорящим (пишущим) на основе семантических критериев. Следовательно, «серьезной грамматической теорией» может быть только такая теория, которая учитывает сочетаемость синтаксической формы предложения и семантического значения тех же предложений, образующих структуру текста.

Мало знать, как с точки зрения грамматики сцепляются предложения в связанном тексте, надо знать — что лежит в основе этого сцепления. В основе связи двух предложений, вычленившихся из связанного текста, лежит семантическое значение двух смежных (или дистантно расположенных) предложений; они на уровне логики выступают как два суждения, находящиеся или в каких-то временных, противопоставительных, уступительных, или в каких-то логических отношениях друг с другом, в том числе и в причинно-следственных отношениях, образуя умозаключение: 1) *Становилось жарко, и я поспешил домой* (М. Лермонтов); 2) *Я отдернул руку: из самой середины цветка с яростным жужжанием вылетела пчела.* (Л. Толстой); 3) *Писатель пробормотал что-то невнятное. Он был застигнут врасплох.* (К. Паустовский); 4) *Сосна, как дерево смолистое, с трудом поддается эниению.* (К. Аксаков); 5) *Пантелей Прокофьевич ушел, почувствовав себя лишним* (М. Шолохов). Говоря о семантическом значении как связующем начале текста в каждом из пяти примеров, надо иметь в виду не конкретное семантическое значение предложений, а то общее, что лежит в основе семантических значений — логическую форму мысли. В предложении (1) первая часть есть причина, вторая часть, вводимая сочинительным союзом *и*, — следствие. В предложении (4) обособленное определение — причина, весь остальной состав простого предложения — следствие. В предложениях (2), (3), (5) первая часть — следствие, вторая часть — логическое основание. Причинно-следственные семантические отношения (значения) выражены здесь различным грамматическим способом. Если идти дальше, то мы обнаружим, что причинно-следственными и другими логическими связями занимается другая наука — логика. Мы вступаем в область, которая в рассматриваемом здесь отношении является новой для языкознания. Таким образом, на уровне связанного текста мы имеем объект исследования, который входит также в компетенцию отличной от языкознания науки, — формальной логики. Должен ли линг-

вист учитывать ее результаты при анализе «своих» объектов — языковых отрезков текста? Непременно, ибо формальная логика в конечном счете тоже занимается языком, т. е. человеческим мышлением, выраженным в формах естественного языка. Изучать связный текст — значит изучать семантико-грамматические и, в конечном счете, логико-грамматические отношения. Анализируя «последовательность предложений», мы неизбежно будем иметь дело либо с последовательностью суждений, не включенных в причинно-следственные связи друг с другом (они могут иметь и иные логические связи), либо с последовательностью суждений, включенных в причинно-следственные связи, т. е. с логическими умозаключениями. Таким образом, мы обязаны устанавливать связи между грамматической формой «последовательности предложений» и логической формой заключенной в них сложной мысли — логическим умозаключением. Смысл же всей проблемы состоит в том, чтобы объединить и то, и другое: выявить законы выражения логических умозаключений в формах естественного языка или, наоборот, выявить систему форм естественного языка для выражения различных типов логических умозаключений. Если лингвист с языковедческих позиций будет изучать эти логические категории на уровне текста, то он будет изучать не «лингвистику текста» в ее теперешнем, сугубо прагматическом понимании, а связь двух наук — языкознания и логики, объектом которых служит один и тот же феномен — язык. Если логик с позиций логики будет изучать лингвистические категории на уровне текста, то он будет изучать не «лингвистику текста» в упомянутом значении, а связь двух наук — логики и языкознания, объектом которых служит один и тот же феномен — язык. В первом случае мы исходим из языка, связывая его формы с логическими формами мыслей, во втором случае — из логических форм мыслей, связывая их с грамматическими формами языка. В любом случае связь эта — связь в одном и том же объекте (тексте) двух разных наук, каждая из которых имеет свои цели и задачи. Это уже не умозрительные прагматические импровизации на тему «лингвистика текста», а нечто естественное и само собою разумеющееся: что от грамматики входит в текст; что от семантики входит в текст; что от логики входит в текст; каково взаимодействие между тремя этими сферами? Этими вопросами должен заняться лингвист или логик. В первом случае лингвист должен стать логиком, во втором случае логик должен стать лингвистом. Союз языкознания и логики в области исследования естественного языка существовал и ранее. Однако лингвистический интерес к тексту как к языку в его живом функционировании требует более тесного и более конкретного союза языкознания и формальной логики с четким разграничением возможностей, целей и задач каждой из этих наук.

Путь исследования текста — только в интеграции языкознания и логики. Этот путь — центральное направление в изучении структуры текста. Поэтому изучение в нем любого другого лингвистического явления, в том числе и в первую очередь прагматических свойств текста, должно быть подчинено первому и может быть правильно понято только на фоне первого: описание всех лингвистических явлений находит объективное место в системе текста лишь тогда, когда эти лингвистические явления получают объяснение с точки зрения соотношения мыслительных и языковых форм.

На вопрос «есть ли в тексте единицы, отличные от единиц лексикона, семантики, грамматики (языкознания)» мы отвечаем «нет». На вопрос «есть ли в тексте единицы, отличные от форм мысли, — понятий, суждений, умозаключений (логики)» мы отвечаем «нет». При изучении текста каждый лингвист должен стремиться к тому, чтобы найти и тем более доказать связь — языкознания и логики (в рассматриваемом здесь отношении). Это и будет той областью исследования текста, которая входит в ведение языкознания (если изучать формы языка и их связь с соответствующими формами мысли) и логики (если изучать формы мысли и их реализацию в соответствующих формах языка). Если мы поймем, что цель языкознания в исследованиях текстов состоит не в прагматических комментариях этих текстов, а в установлении связей между грамматическими формами и логическим содержанием, т. е. в сочетании грамматики и логики,

то мы увидим, что вся проблема истинной «лингвистики текста» должна состоять в изучении соотношения «языковых форм» и «логических форм мысли». Из этого следует, что «лингвистика текста», не поднявшись выше уровня субъективных прагматических комментариев отдельных предложений, с самого начала обрекла себя на неудачу.

Вместо бесплодных прагматических дискуссий вокруг ничего не дающих языкознанию проблем «лингвистики текста» лингвистам надлежало бы приступить к конструктивным исследованиям художественных и иных текстов с точки зрения главных свойств текстов — связи человеческого мышления с формами естественного языка. При этом необходимо оставаться на реальной почве эмпирических фактов естественного языка и давать этим языковым фактам теоретическое обоснование, не страшась увязки языкознания с логикой. Понять механизм «порождения» текстов и механизм их «дешифровки» в языковедческом плане можно только на основе двух рядов текстовых правил — на основе лексико-синтаксической формы всех составляющих текст предложений и логической формы содержащихся в них смыслов. При этом отправитель идет от логических форм к их языковым формам, а реципиент — от языковых форм к их логическим формам.

Исследование текстов с указанных позиций имеет огромное теоретическое и, не в последнюю очередь, прикладное значение. Исчерпывающее изучение текста позволило бы вскрыть, во-первых, закономерности следования предложений одних структурных типов за предложениями других структурных типов, закономерности их взаиморасположений, во-вторых, вскрыть все те связи и опосредования, благодаря которым единицы более низкого уровня (предложения) объединяются в единицы более высокого уровня (связи предложений, сверхфразовые единства), а эти последние — в целый «текст». Но главная цель должна состоять, разумеется, в том, чтобы вскрыть все формально-смысловые связи в тексте: какие формы мысли и какие формы языка взаимодействуют, создавая «ткань» текста. Анализ текстов с логико-языковых позиций привел бы к познанию их логической структуры и способов их языковой репрезентации, что имело бы огромную научную ценность.

Рассматривая проблему текста с языковедческих позиций, необходимо особенно подчеркнуть, что текст — это та область, где конкретно стыкуются язык и мышление и осуществляется их взаимодействие. Поэтому вместо «нового» прагматического лозунга «лингвистика текста» должен быть восстановлен древний, но не стареющий лозунг истинного языкознания «язык и мышление», который, хотя и стоит на повестке дня языкознания уже более двух тысячелетий, ждет своего дальнейшего исследования. «Превращение языкознания из науки преимущественно описательной и спекулятивной (каковой остается в первую очередь «лингвистика текста». — К. А.) в науку экспериментальную и теоретическую (т. е. основанную на массовой обработке эмпирического материала; (везде разрядка наша. — К. А.) является... основным условием того, чтобы лингвистика стала равноправным членом в системе общественных и естественных наук эпохи научно-технической революции. Таков первый гносеологический урок, который мы извлекаем из сорокалетней истории машинного перевода и инженерной лингвистики» [23]. Таков, добавим мы, основной урок, вытекающий и из анализа сегодняшнего «научного» уровня подавляющего большинства работ по «лингвистике текста», претендующих на то, чтобы считаться «передним краем» современного языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
2. Москвальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 145.
4. Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. — ИАН СЛЯ, 1977, № 4, с. 307—308.
5. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
6. Адмони В. Г. Грамматика и текст. — ВЯ, 1985, № 1, с. 65.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— В кн. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20. М., 1961, с. 41.
8. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения).— ИАН СЛЯ, 1977, № 6.
9. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста.— ИАН СЛЯ, 1980, № 3.
10. Колшанский Г. В. Коммуникативная дискретность языка.— В кн.: Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976, с. 17.
11. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста.— РЯШ, 1948, № 3.
12. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
13. Степанов Юр. В мире семантики.— В кн.: Семантика, М., 1983, с. 36.
14. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч. т. 18, с. 363 (примеч.)
15. Москальская О. И. Вопросы синтаксической семантики.— ВЯ, 1977, № 2, с. 55.
16. Скалл П. К программе лингвистики текста.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
17. Александрова О. В. Некоторые вопросы логики, методологии и философии языка.— ВЯ, 1985, № 6.
18. Сиротинина О. Е.— ВЯ, 1983, № 2, с. 152, 153 — Рец. на кн.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
19. Гак В. Г. О семантической организации повествовательного текста.— В кн.: Лингвистика текста. Вып. 103. М., 1976, с. 5—6.
20. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения.— В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 49 (примеч. 10).
21. Буагизика Г. В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц.— В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 224.
22. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики.— В кн.: Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
23. Пиотровский Р. Г. Лингвистические уроки машинного перевода.— ВЯ, 1985, № 4, с. 20.